413 5/129

913 5/129

913 5/129

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ОЧЕРКАХ.

П. П. Кащенко.

913 5/129

Суд в московском государстве.

ИЗДАНИЕ Т-ва «МИР».
МОСКВА, 1922.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ОЧЕРКАХ
под редакцией В. Я. УЛАНОВА.

П. П. КАЩЕНКО.

Г/3 12

СУД В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ.

1357/4

МОСКВА.
Издание Т-ва „Мир“. Знаменка, 9.
1920.

9428
6/II 1922

1-я Государственная типография Б. С. Н. Х.

ОТ РЕДАКЦИИ.

й Суд в Московском государстве в его своеобразных формах следствия, тяжбы, судоговоренья и наказаний представляет любопытную страничку русской истории с ее культурно-бытовой стороны. Автор использовал подлинные дела уголовного и гражданского характера (два дела XVI и два XVII вв.), привлек сюда же народную пародию на Московский суд (повесть о «Шемякином суде» и «Как был суд у Леща с Ершом»), и все это попытался растворить в бытовой обстановке эпохи, сознательно удерживая язык тогдашней судебной практики, поскольку это позволял общедоступный характер брошюры.

СУД У НАМЕСТНИКА.

Небольшой северный городок Тотьма — из одной улицы и узеньких, расходящихся от нее по обе стороны переулков. По улице были разбросаны в беспорядке по холмам и уступам дома, то сильно выступая вперед, то далеко уходя назад. Большие двухъэтажные или одноэтажные дома скорее можно было назвать избами. Окон в них прорезалось немного: по два, по три, большею частью наверху, подклеть же была темная и служила кладовой или хлевом, а на обширном чердаке под высокой крышей устраивался сеновал. Окна затягивались бычачьим пузырем, в редких, очень редких случаях слюдой. Крыши домов шли острыми углами вверх. На них виднелись невысокие глиняные трубы и кое-где вышки и чердаки. Дранка, которой крылись крыши, почернела, местами даже позеленела и только на некоторых новых домах ярко блестела свежим надрезом дерева. Из домов одни прямо выходили на улицу, другие же были окружены плетнем или забором с крытыми воротами. За такими заборами можно было разглядеть массу крыш различной высоты, различной формы и из разного материала: то были крыши горниц, свете-

лок, избушек, клетей и других служб двора какого-нибудь служилого человека или зажиточного посадского человека. Почти за каждым домом шли сады с деревьями, с яблонями, рябинами, черемухой, и огороды, иногда занимающие очень большие участки. Тут же рядом с такими домами лепились курные избенки—небольшой сруб, закоптелый, низенький, почти вросший в землю, с дерновой или из коры крышей и с дырами, вместо окон, для выхода дыма. Эти дыры, когда внутри не топилось, затыкались тряпицей.

Улица, уклоняясь то вправо, то влево, приходила к довольно большой площади. На площади стояли: церковь, наместничья изба и его двор.

Церковка — маленькое квадратное строение с высокой остроконечной крышей—была построена из дерева и крыта дранкой. От других домов, по своему внешнему виду, она отличалась только прорезной башенькой-колокольней, стоявшей рядом с ней, да невысоким чешуйчатым из деревянных крестиков куполом, в форме луковицы с крестом, обитым жестью, укрепленным на полумесяце—знак торжества креста над магометанской луной.

Неподалеку от церкви, наискосок, через площадь—одноэтажная, просторная, разделенная на две половины крытыми сенями, съезжая изба. Рядом с ней за высоким тыном двор наместника. К тыну тесно примыкали несколько амбаров с государевым добром.

На площади, а был только шестой час в начале, толпился народ. Отовсюду с окрестностей, из города и из посадов, понаплыли и понаехали крестьяне и по-

садские: иные попродать беличьи, лисьи, собольи, волчьи и другие меха, птицу, скот, воск,— иные купить, чего не хватает дома—топоров, кос, ножей, сбруи, седел деревянных чашек, мисок, соли, наконец, иные просто погулять, посмотреть скоморохов, повеселиться. Всех слоев и всякого достатка люди наполняли площадь. Мужчины в остроконечных шапках из меху — колпаках, в длинных до полу кафтанах, с висящими широкими рукавами или просто в легких из пестрядины зипунах. Одни из них в лаптях, другие в подвязанных ремнями кожаных подошвах, иные, более зажиточные, в разноцветных и часто расшитых сапогах. Кафтаны не были застегнуты, а только опоясаны широкими из тафты*) или из крашенины поясами; из-под кафтанов виднелись цветные, большей частью красные рубашки. Женщины и девушки в цветных киках-шапках с высоким передом или в платках поверх подубрусника, или в венцах, расшитых и украшенных блестками. Поверх летников из пестрядины с вышитым подолом на них были красные, синие, желтые телогреи с очень широкими и длинными рукавами.

Гул, гам, хохот стояли на площади неумолчно. Изредка этот гам и шум покрывали пронзительные и резкие звуки труб, тромбонов, дудок, сопелок и барабанов. То была «удивительная музыка скоморохов, которую очень любили русские люди в то время» и которая приводила в ужас иностранцев. Послед-

---

*) Шелковая ткань.

ние сравнивали ее с «собачьим воем» и говорили, что их берет оторопь, когда они ее слышат. Скоморохи плясали, распевали песни и показывали различные штуки с ученым медведем. Около них всегда народ, около них всегда всего шумнее.

Шумно и у кабака. Изнутри, через открытые двери и окна, слышались крики и ругань. Снаружи, у крыльца сгрудилась густая толпа. Внимание этой толпы привлекал стоявший в средине ее человек, небольшого роста, с длинными космами волос, с седоватой бородкой. Одет тот человек был в плохой обдерганный кафтанишко, обут в лапти корявые, на голове имел шапку меховую, не менее послужившую, чем кафтанишка. Через плечо у него была перекинута котомка. На груди впереди покавешаны разные картинки, на лубке и на липовых досочках. Было тут и изображение трех пьяниц, пропивших деньги, с нравоучительной подписью под ним: «Плач без надежды, грусть без отрады, печаль без утехи». Был «Страшный суд» с грешниками в страшных мучениях, с адским пламенем, стремящимся ввысь, со змеем от ада до неба и с апостолом Петром, отверзающим Врата Райские. Были, наконец, и «Четыре вещи последние» с подписью: «Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, Смерть всем владеет».

В руках у продавца было несколько свитков. Сам же он ходуном ходил. Все подплясывал и направо и налево прибаутки отпускал: «Я-де поп Савва, да немалая про меня слава, аз вашу братию в попы

ставлю, что и рубашки не оставлю. У меня-де за рекой стойте, а в церкви хотя и не пойте».

Человек этот был безместный поп Иван, сначала выбранный в попы на Устюге, а потом за пьянство и дебоширство прогнанный. Пришлось ему себе пропитание торговлей добывать, потому что не всегда можно было панихидками да молебнами пробавляться по заказу добрых людей, на перекрестке или на могилке, тайком от приходского попа.

Толпа потешалась над ним, он же еще пуще расходился, и, развернув один свиток, попросил послушать его. Он-де хочет им нравоучительное сказание прочесть, а потом, кто захочет, может купить его за две деньги. Сказка эта издавна идет и зовется: «Челобитная Леща с товарищи на Ерша».

Толпа приумолкла, и поп начал читать. Он читал немного нараспев, высоким тенорком.

„Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом".

«Рыбам господам: великому Осетру и Белуге, Белой рыбице, бьет челом Ростовского озера сынчишко боярский Лещ с товарищи. Жалоба, господа, вам на злого человека на Ерша Щетинника и на лябедника. В прошлых, господа, годех было Ростовское озеро за нами, а тот Ерш, злой человек, Щетинников наследник, лишил нас Ростовского озера, наших старых житов (хорошего житья), расплодился тот Ерш по рекам и по озерам. Он собою мал, а щетины у него,

аки лютые рогатины, и он свидится с нами на ступу — и теми острыми своими щетинами подкалывает наши бока и прокалывает нам ребра, и суется по рекам и по озерам, аки бешенная собака, путь свой потеряв. А мы, господа, христиански лукавством жить не умеем, а браниться и тягаться с лихими людьми не хотим, а хотим быть оборонены вами, праведными судьями».

Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, истцу, Лещу, отвечаешь ли»? Ответчик Ерш рече: «Отвечаю, господа, за себя и за товарищев своих в том, что то Ростовское озеро была старина дедов наших и ныне наше, и он, Лещ, жил у нас в суседстве на дне озера, а на свет не выхаживал. А я, господа, Ерш, Божей милостью, отца своего благословением и матерними молитвами не смутщик, не вор, не тать и не разбойник, в приводе не бывал, воровского у меня ничего не вынимывали, человек я добрый, живу я своей силой, а не чужой, знают меня в Москве и в иных городех князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московские, дьяки и подъячие и всяких чинов люди и покупают меня дорогой ценой и варят меня с перцем, шафраном и ставят перед собою честно, и многие добрые люди с похмелья и кушавши поздравляют».

Судьи спрашивали истца Леща: «Ты, Лещ, чем его уличаешь»? Истец Лещ рече: «Уличаю его Божиею правдой да вами, праведные судьи». Судьи спрашивали истца Леща: «Кому у тебя ведомо про Ростовское озеро и о реках и о востоках (истоках) и на

кого шлешься»? Истец Лещ рече: «Шлюсь я, господа, из виноватых (ведающих о деле) на добрых людей разных городов и областей: есть человек добрый, живет в немецкие области под Ивановым городом в реке Нарве, по имени рыба Сиг, а другой, господа, человек добрый живет в Новогородской области в реке Волхове по имени рыба Лодуга». Спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на Лещеву правду, на таковых людей?». И ответчик Ерш рече: «Слатися, господа, нам на таковых людей неуметь: Сиг и Лодуга люди богатые, животами прожиточные, имуществом состоятельные, а Лещ такой же человек заводной, шлется в послушество» (свидетельство).

И судьи спрашивали ответчика Ерша: «Почему у тебя такие люди не друзья, и какая у тебя с ними недружба»? Ответчик Ерш рече: «Господа мои судьи! недружбы у нас с ними никакой не было, а слатися на них не смеем для того, что Сиг и Лодуга—люди великие, а Лещ такой же человек заводной, они хотят нас малоимочных людей испродать (разорить тяжбой) напрасно».

Судьи спрашивали истца Леща: «Еще кому ведомо про Ростовское озеро и о реках и о востоках, на кого шлешься»? Истец Лещ рече: «Шлюсь я, господа, из виноватых, есть человек добрый, живет в Переяславском озере, рыба Сельдь».

Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на Лещеву правду»? Ответчик Ерш рече: «Сиг и Лодуга и Сельдь с племени (сродни), а Лещ

такой же человек заводной: в соседстве имаются, где судятся и пьют вместе, про нас не молвят»...

И судьи послали пристава Окуня и велели взять с собою понятых Мня (рыба Налим), приказали взять в правде переяславскую Сельдь. Пристав же Окунь емлет в понятых Мня, и Мень Окуню сулит посулы великие и рече: «Господине Окупе, аз не гожуся в понятых быти: брюхо у меня велико—ходить не могу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—перед добрыми людьми говорить не умею». Пристав же емлет в понятых Головля и Язя. И Окунь поставил в правде переяславскую Сельдь.

И судьи спрашивали в правде у переяславской Сельди: «Сельдь, скажи нам про Леща и про Ерша и промеж ими про Ростовское озеро». Сельдь же рече в правде: «Леща с товарищи знаю: Лещ добрый человек, христианин Божий, живет своею, а не чужою (силою), а Ерш, господа, злой человек Щетинник»...

Кольцо слушателей становилось все толще и теснее. Оно уже сдавило попа, тому пришлось несколько раз прикрикнуть на слушателей, чтобы раздвинулись, не то сказывать бросит. Толпа отстранилась, и поп продолжал читать, объяснив наперед, что средина сказки потеряна, и суд приходит к концу:

«Судьи спрашивали Осетра: «Знаешь ли его, Ерша»? Осетр рече: «Аз, господа, не в правде (не ради суда), и не в послушестве, а впрямь скажу: слышал про того Ерша, что варят его в ухе, а столько не едят, сколько расплюют. Да еще, господа, вам скажу

Божисю правдой о своей обиде: когда я шел из Волги реки к Ростовскому озеру жировать (покормиться), а он встретил меня в устье Ростовского озера и нарече мя братом, а я лукавства его не ведал, а спрошать про него, злого человека, никого не случилось, и он меня вопроси: «Братец Осетр, где идеши»? И рече ми Ерш: «Братец Осетр, когда аз шел Волгою-рекою, тогда аз был толще тебя и жирнее, и длиннее, бока мои терли у Волги-реки берега, очи мои были аки полная чаша, хвост же мой был аки большой судовой парус, а ныне, братец Осетр, видишь ты и сам, каков я стал скуден, иду из Ростовского озера». Аз же, господа, слышав такое его прелестное (обманное) слово и не пошел в Ростовское озеро к рекам жировать, дружину свою и детей голодом морил, а сам-от в конец сгинул. Да еще вам, господа, скажу: тот же Ерш обманул меня, Осетра, старого мужика, и проведе меня к неводу и рече ми: «Братец Осетр, пойдем в невод, там рыбы много». И я нача посылать вперед. И он рече ми: «Братец Осетр, коли меньшой брат ходит наперед большого»? И я на его прелестное слово, господа, положился и в невод пошел: обратился в невод да увяз, а невод, что боярской двор, войти ворота широки, а выйти узки. А тот Ерш за невод выскочил в ячею, а сам мне насмехался: «Ужели ты, братец, в неводу рыбы наелся?». А как меня поволокли вон из воды, и тот Ерш нача прощатися: «Братец Осетр, прости, не поминай лихом»! А как меня мужики на берегу стали дубинами по голове

бить, и я нача стопать, и он рече ми: «Братец Осетр, терпи Христа ради».

Судьи слушали судного дела и приговорили: Леща с товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головой и велели казнить торговою казнию — бить кнутом и после кнута повесить в жаркие дни против солнца за его воровство и за ябедничество. А у судного дела сидели люди добрые: дьяк Сом с большим усом, а доводчик Карась, а список с судного дела писал Вьюн, а печатал Рак своей задней клешней, а у печати сидел Вандыш (сняток—маленькая рыбка) переяславской. Да на того же Ерша выдали правую грамоту: где его застанут в его вотчинах, тут без суда его казнить.

Речет Ерш судьям: «Господа судьи, судили вы не по правде, судили по мзде. Леща с товарищи оправили, а меня обвинили». Плюнул Ерш судьям в глаза и скочил в хворост: только его Ерша и видели».

Поп кончил. Толпа начала судить да пересуживать, над Осетром, толстым боярином подсмеиваться, Ерша хвалить: хоть сутяга и забияка, а молодчина, что судьям не дался. Все они—крапивное семя—неправдой живут и богатым потакают.

Кое-кто из толпы к попу потянулся и начал с ним продолжительный торг. В конце-концов, некоторые из картин и списков перешли в руки покупателей.

Поощренный успехом, поп пошел дальше по ярмарке,

отпуская прибаутки направо и налево. И опять остановился перед несколькими людьми, собравшимися у крыльца наместничьей избы в ожидании наместника. Он и перед ними стал расхваливать товар и намекать, что у него де, есть совсем про них написанная повесть. Один из толпы, Первушка, пришедший судиться к наместнику, заинтересовался и попросил попа прочесть. Поп и сам был не прочь и начал разворачивать список; но не успел и слова прочесть, как из ворот двора своего показался наместник Никифор Васильевич Юшков. Первушка от попа отмахнулся и поспешил поближе к крыльцу, чтобы первому к наместнику пройти. Поп рассердился, ругнул в сердцах наместника, но и сам за Первушкой пошел; может и перепадет ему какая капля: жалобу ли напишет, совет ли какой подаст.

Никифор Васильевич Юшков ехал на коне, богато разубранном. Сбруя, седло и чепрак, расписанные в цвета, блестели серебром и золотом. На плечах самого Никифора Васильевич была ферязь с высоким стоячим воротником, опушенная по краям соболем. Под ферязью виднелся с золотыми застежками малиновый кафтан, подпоясанный белым золотом расшитым поясом. Сапоги на ногах были зеленые, сафьянные, наверху на голенище прошитые шелком пестрым. На голове горлатная—внизу узкая, кверху широкая—соболиная шапка.

Наместник шагом подъехал к крыльцу, на него выбежал встречать и староста судейский, и целовальники, и дьяк с приставами и доводчиками. Двое слуг

в поводу держали коня, но тот и не пытался выказывать свой буйный нрав. Под грузным седоком он присмирел и стоял спокойно, опустив голову. Наместник слез, тяжело отдуваясь. При его полноте и тяжелой одежде всякое движение было ему в тягость. Первушка и другой собравшийся народ все время, как наместник слезал и на крыльцо поднимался, сняв шапки, низко кланялись и повалили было за ним в избу. Доводчики на них строго прикрикнули, а кого локтем оттолкнули. Стойте-де! Чего лезете! До вас черед дойдет! Никифор Васильевич, войдя в избу просторную, но низкую и слабо освещенную через слюдяные расписанные красками окна, поклонился низко перед иконой, осенил себя широким крестом и поздоровался обычным: «Дай Бог здоровья» со встретившими его на крыльце.

Затем он прошел к своему месту у края большого стола. По сторонам его уселись староста судейский и целовальники, которые должны были правду беречь, по крестному целованию, без всякой хитрости, т.-е. наблюдать за правильностью суда и соблюдать интересы судящихся—и также быть свидетелями всего, что было на суде. На другом конце того же стола сел дьяк. Перед ним валялась груда свитков и лоскутков бумаги. За другим столом небольшого размера, неподалеку от дьяка, примостился подъячий и занялся усердно очинкой гусиных перьев.

Наместник погладил черную с проседью бороду, передохнул раза два и обратился с вопросом к дьяку о имеющихся делах. Никифор Васильевич любил дей-

ствовать по порядку и давать суд праведный, как следует, по обычаю и по судебникам. Он, правда, не брезговал никаким подношением, никаким подарком, но брал всего в меру, а не вымогал и не разорял. За справедливый и милостивый суд был он любим и почитаем в своем уезде, хорошо помнившем его предшественника—наместника Тугаринова. На этого Тугаринова и В Москву жалобу посылали, и по той самой жалобе городских и посадских и черных людишек на неправедные его поборы и неправый суд, которыми он в конец животишки богатых разорил, а бедных совсем оголил,—Тугаринов и был смещен.

Дьяк ответил, что дела есть, да немного: первонаперво дело по челобитной Первушки Мартынова на Мило Сухова сына и на Трошку Омельянова, внука Касимова, что челобитная уже подана и срок на ответчика был накинут по сегодняшний день, т.-е. ответчику было назначено явиться сегодня. А потом еще некоторые небольшие делишки.

— Ну, вот с Первушки и начнем,—проговорил наместник.

Пристава послали за истцами. Они ввалились, стянули с себя поспешно шапки, истово помолились на икону и низко-низко поклонились наместнику. Пристав и доводчики стали на свои места у дверей.

— Ну, чего просишь?—сурово обратился наместник к Первушке. Первушка не сразу нашелся, что ответить, позамешкался немного, помял шапку в руках. Затем, решившись, начал жалобным голосом свою просьбу.

— Смилуйся, господине, помилуй.

Изобидели-де его, сироту, Миля, сын Сухов, да Трошка Омельянов. Деялось дело, после Ильина дня огненного восхождения. И жалоба его в том, что те самые Миля да Трошка выкосили у него, Первушки, в Зиновской земле в пожне четверть Селековской жеребей их самосильством.

А тот-де жеребей у него в закупе и им куплен, а в их самосильстве. А и в том его жалоба на тех людей.

В то время, как Первушка говорил, подъячий усиленно строчил пером. Жалоба да все, что говорилось и делалось на суде, должно было быть занесено в «судный список».

После жалобы Первушки спрашивал наместник Милю, отвечает ли он на челобитную ищея. Тот на челобитную не пожелал отвечать. А когда наместник его в другой раз и в третий спросил, отвечал он тоже отказом. В последний раз Миля даже не утерпел и прибавил: «Он-де не только отвечает, но и на них, судей, и глядеть не хочет». Наместник был не сердит, а благодушен. Отмахнулся он рукой на Милю и приступил ко второму ответчику; с тем же вопросом. Трошка Омельянов, внук Касимов, себя виновным признал. «Я-де отвечаю, я косил пожню не поираюсь, но пожня та-де не Первушкина».

Так и записал подъячий в «судный список».

И опять приступил наместник к Первушке, чем он Трошку уличить может?

Первушка уличал Милю и Трошку Божиею правдой

и слался изе виноватых (признавал силу его показаний для себя обязательной) на крестьянина Введенско-Устьянского стана, деревни Левкино, именем Ерка Алистратова. Он-де, тот Ерка, с ним ходил и самосильство Мили и Трошки видел.

Не пожелал Трошка на Ерку слатися. Он-де с ним в недружбе живет, да и вся деревня его не любит. Ябедник и кляузник он известный. Ерка Алистратов, который тут на суде был, не выдержал и стал накрепко Трошку ругать. Трошка в долгу не остался. Пришлось на них дьяку прикрикнуть и порядок водворить.

А после того шума Первушка говорил, что у него есть батюшкова купчая на ту самую пожню.

Трошка и на купчую слатися не пожелал.

Подошел тогда Первушка к столу и положил перед наместником список с купчей слово в слово. Наместник, который сам был малограмотен, передал ее дьяку и велел прочесть. Купчая была от Филимона Патрака Пафенова сына Новоселова. В ней значилось, что «продал он, Патрак, Левкинскому жильцу Мартыну Андрееву сыну Волчину в пожню да в земле Зиновской по своей по купчей Селековской жеребей, четверть пожни, да четверть земли Зиновской. Да досталась ему та пожня от Ивана Огафонова, а в межах та пожня с Гришей Меньшиковым и многими другими (полностью имена в купчею вписаны). А он, Филимон Патрак, взял у того Мартына на той четверти пожни да на землице Зиновской да Селековской жеребей пять рублев и две гривны денег. Мо-

сковских ходячих, а пополнок в тех же деньгах. Во очищении и в отводе той же пожни и землицы в Зиновской земле в Селековском жеребье он продавец Филимон Патрак. Ежели буде та пожню прежде в закупе или в подписи или в каких письменных крепостях, то ему продавцу, Филимону Патраку, очищати и отводити Мартына с чиста пути. Послухи (свидетели) на то были Павел Константинов и многие другие. Писал же ту купчую дьячек Обашыка Фотеев лета 1550 генваря второго».

Дьяк утер обильно катившийся пот красным цветным платком, свернул в трубочку написанную на свитке купчую и передал ее подъячему для присоединения к «судному списку».

Надлежало допросить свидетеля Ерку Алистратова, на которого слался еще Первушка, и к сему приступил наместник. Пусть скажет он в правде и по великого князя крестному целованию, что ему про Трошку и Милю и про их самосильство и про селековской жеребей ведомо. Ерка Алистратов, хорошо одетый, в кафтане, подпоясанном расшитым поясом, в сапогах, бойко и твердо ответил, что Первушку знает, что он человек добрый, а Миля и Трошка злые люди, беспокойные и что у них много раз уже суд был. На пожне же он с Первушкой был и тех Мило и Трошку в их самосильстве видел. А про то, что та пожня Первушкина, он то сам послухом при купчей был.

При конце слов Ерки Трошка заволновался и стал кричать, что он-де Ерку лживит, слатися на него

не хотел и не хочет, а шлется он на крестьянина деревни Левкино, Бориску Микитина. Наместник, посоветовавшись с целовальниками, на просьбу Трошки соизволил и Первушку спросил, желает ли он на того самого Бориску слатися. Тот слатися согласился, но только в послушество (показание послуха необязательно: его можно оспаривать, и на поле и на присягу вызвать).

Бориски Микитина у наместника не оказалось. Пришлось дело отложить. Наместник положил снова дело разобрать через пять дней, а Бориску Микитина через пристава вызвать. Должен тот пристав взять в понятых Треньку Ондреева, крестьянина деревни Левкино, и взять в правде Бориску Микитина.

Первушка со своим послухом, ответчики Миля и Трошка, низко поклонившись, ушли, а наместник занялся другими делами.

С некоторыми из них пришлось долго повозиться, и когда их разборку кончили, был уже полдень, и пора было за еду приниматься, а потом, как испокон веку на Руси шло, отдыхать лечь. Наместник разбор дел прекратил, поднялся и поехал к себе домой. Разошлись за ним и все остальные. Скоро на площади народу тоже не было слышно. Все притихло. Кто у себя дома, кто около своих товаров на телеге, кто просто на земле по холодку—все, весь город спал...

Через пять дней у наместника Никифора Васильевича в той же избе собрались опять ищея Первушка и ответчики Миля и Трошка, и Ерка Алистратов, и взятый понятым Трепькой Ондреевым с приставом Бориска Микитин.

Наместник сразу начал с допроса Бориски Микитина.

Бориска с Еркой разошелся и показал против Первушки: и пожня-де не его, и человек он недобрый, бедняков обижает. Трошку-де он знает хорошо, а живет с ним в суседстве годов двадцать или поболе. И Милю хорошо знает, и человек он добрый.

Ерка Алистратов на своем стоял и Бориску лживил.

Пришлось опять наместнику к целовальникам обратиться, и по их совету порешил он Ерку и Бориску заставить крест целовать, принять присягу. Кто из них ту присягу на себя возьмет и ее примет, тому и верить.

Сначала спросили Ерку, крест он целует ли.

Тот согласился крест целовать и уличал Бориску Божиею правдой. Бориска же позамялся и не ответил сразу, а на повторный вопрос и совсем от присяги отказался.

Признал наместник со старостой и целовальниками дело ясным и прекратил разбор, а на попытку Трошки еще на одного послуха слатися отказал.

Решение обычно выносилось не сразу, через несколько дней или даже недель, но это дело не хотелось наместнику тянуть—знал он, что Первушка человек зажиточный, хороший подарок может сделать. Приговор был быстро приготовлен.

Перед истцом и ответчиками грамоту прочел то решение дьяк. А гласило то решение слово в слово списанное:

«Лета 7078 (1570), октября в 26 день (4 августа) по государеву указу и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси и по государевой уставной грамоте Тотемского уезду, наместник Никифор Васильевич Юшков, да со старостой судейским Поспелом Десятовым, да с целовальниками Осипом Сидоровым, да с Игнатом Фоминым, и оговоря сие судное дело и по сему судному списку (приговор к судному списку приписывался) и по государеву крестному целованию и приговору Ицею Первушку Мартынова оправили и по купчей ему с братией велели владети пожней вечно, а того Милю, Сухова сына, да Трошку Омельянова, Касимова внука, в их самосильстве обвинили. Повинили по тому, что Миля тот по челобитной истцу своему Первухе не отвечал, учинился силен (противился), а Трошка на купчую ту не слался и лживил, и ту пожню Первушкину тот Миля и Трошка косили своим самосильством. И ту пожню Зиновскую и с сеном ставленным отвели истцу Первушке владети во-веки. А на вину сей судный список подписал и на Трошку наместник Никифор Васильевич Юшков, да дьяк Иван Колычев, да подъячий Семеон Фадеев. А у сего приговору старосты и целовальничьих рук нету, по тому, что они в грамоте не умеют, ни один из них».

Во время чтения приговора все стояли. Миля и Трошка молча Первушке и Ерке грозились, а как

кончилось чтение, принялись их ругать и на них наступать с кулаками. Первушка и Ерка не остались в долгу. Дело было до рукопашной дошло, если бы наместник не вышел из себя, не закричал на них грозно и не приказал доводчикам и приставу их развести. Миля и Трошка еще долго не могли успокоиться, хотя Первушки с Еркой уже в избе не было—оба поспешили удалиться. Все грозились и противились настойчивым требованиям дьяка уплатить пошлины за список да за челобитную. Утомились порядком с ними дьяк с приставом. В конце-концов, видя, что дело решенное, Трошка первый, а за ним и Миля уступили. Уплатили, что полагалось, и, покорно опустив голову, поплелись домой.

По дороге попался им безместный поп Иван. Заметив их убитый вид, попытался развеселить и заговаривать, что печаловаться не след, есть еще чем горю помочь. Он бы, поп, им совет мог дать. Трошка и слушать не хотел. Миля попа попросил объяснить, в чем дело. Поп обрадовался и быстро нашептывать на ухо Миле стал. Он-де им жалобу на наместника напишет, жалобу самому государю и великому князю. В той жалобе он про наместника пропишет, как он неправедный суд дает да посулы берет. И с той жалобы потребует государь дело себе на доклад, его порешит по правде и с наместника и дьяка все убытки взыщет, и с них же пеню на государя возьмет.

Миля слушал, слушал, сначала думал, что он дело говорит, а затем сообразил—куда ему с прожиточными и сильными людьми тягаться? забьют, пере-

тянут большими посулами и Москву на себя, а их с Трошкой и совсем разорят. Пошел от попа прочь, лебедником, кляузником назвал его и догнал ушедшего вперед Трошку. Поп постоял, сплюнул, в затылке почесал и повернул свои стопы с горя в кабак.

ПОЛЕ

В 1539 году в Устюжском уезде, в Комарицком стане, в реке Двине под Никольским погостом было найдено мертвое тело ямского старосты Ивана Дерягина. Тело было найдено с «отбитой» головой. Жена убитого явилась в Устюг к наместнику с жалобой и просьбой о следствии против крестьянина того же Комарицкого стана Тренъки Дружкина. Наместник допросил Арину Дерягину и выдал «погонную» память-приказ о преследовании и поимке убийцы. «Погонная память» была выдана «погонщикам» - крестьянам того же Комарицкого стана Ондрушке Ошурке и Феодору Ондреянову. Тренька Дружкин был ими пойман и поставлен на суд к наместнику в Устюг. На суде Арина Дерягина слалася (т.-е. указывала в качестве свидетеля) на Ефима Косогорова, крестьянина Комарицкого стана.

Тренька же Дружкин на Ефима «слатися» не пожелал и отвергал твердо свою вину: «Я-де Ивана Дерягина и в глаза не видал и никуда не ходил, а был все время в лесу на охоте».

Ефим Косогоров, спрошенный наместником, показал:

«А было то дело, господине, дней за пять до того,

как мертвое тело Ивана Дерягина в реке Двине под Никольским погостом нашли. Шел я, господине, из лесу, неподалеку от Двины, поверх Никольского погоста и встретился мне Тренька, а в руках топор, а рукав в крови, а руки тоже в крови. И тот Тренька хотел меня убить, что я «осмотрил» (был очевидцем). И он заклял меня Комарицким Николою (Николаем Угодником) и велел никому такой встречи не сказывать. Я-де тебя убью».

Тренька запирался и слушать того не хотел: он-де в лесу был, но Ефимки не видал и его убить не грозился. Напраслину-де на него взводят.

Арина же Дерягина тоже больше ни на кого не слалася и никаких других свидетельств не приводила.

Наместник был в затруднении и не знал, что делать. Решить дело, основываясь на одном свидетельстве Ефима Косогорова, было нельзя: Бог его ведает, отчего у него руки в крови были. Настоящим свидетелем был тот, на кого указывали обе стороны, а тут подсудимый на Ефима Косогорова слаться совсем не желает.

Пока наместник раздумывал, к Арине подошел Ефимка, стал ей что-то наговаривать. Выслушав его, Арина решительно обратилась к наместнику:

— «Господине!».

Наместник перевел на нее взгляд.

— «Дай нам, господине, с Тренькой Божию правду в том деле. Крест я целую, да лезу с ним на поле битися и с иконою иду». Наместник облегченно вздохнул.

— «А ты, Тренька, крест целуешь ли и на поле с ней, Ариной, лезешь ли и с иконою идешь ли?».

Тренька несколько задумался, да так, что пришлось наместнику свой вопрос повторить.

На второй вопрос Тренька ответил:

«Да, госпомине, крест целую и на поле с ней биться лезу и с иконою иду».

Наместник повелел дьяку записать, что «поималися» истцы до поля. А истцам велел он приготовиться к бою. За Арину по силе Судебника наймит биться должен. Тренька же, ежели пожелает, и сам биться может.

Тренька пожелал сам биться. Лучше самому, а наймит-боец и выдать может. За правду Тренькину не будет стоять как следует.

Наместник назначил приходить Аринке, ее наймиту и Треньке через неделю на поле, что за Исидоркиной избой в конце города Устюга. А на том поле будет окольничий поле им «спущать». Треньке и Арине с собой поручных и стряпчих*) привести надо, но только, чтобы они—эти поручные и стряпчие—без оружия были.

Через неделю на поле позади Исидоркиной избы сбежался почти целый город. Народ теснился, волновался и с нетерпением ждал боя. Пришла туда на поле и Арина с своим наймитом-бойцом, мясником Обдоркой, здоровенным детиной с широкими плечами,

---

*) Поручные — дававшие поруку в том, что стороны на поле явятся, стряпчие—свидетели боя—в роде секундантов при современных дуэлях-поединках.

с рыжей окладистой бородой. В поручнях и стряпчих с ней пришли послух Ефим Косогоров и несколько ее соседей. Громкими возгласами одобрения и удивления встретила толпа Аринкина наймита — Обдорку, как бы наперед предрешая судьбу боя.

Немного погодя за Аришой пришел и Тренька со своими поручными и стряпчими — двоюродным братом Кузькой и ямщиком Бориской, известным пропойцей и бездельником в Комарицком стану. Тренька привел с собой, видимо, не веря в правоту своего дела, слывшего за ворожея старого рыбака Максима Афанасьева, чтобы он «в кудесы бил и по планитам глядел» и тем ему от бесовских поучений пособие учинил.

Максим Афанасьев хорошо был известен толпе, и его боялись. С его появлением исход боя для присутствовавших опять стал казаться сомнительным: вражеская сила должна столкнуться с Божьей правдой. Наконец, когда уже все были в сборе, подъехал на копе окольничий *), а за ним дьяк, пристав и недельщики **). Недельщики закричали на толпу и принялись ее прогонять прочь. Строго-настрого было приказано всех посторонних людей гнать, а если не отойдут, то хватать их, отдавать на поруки и доправлять на них «исцево», т.-е. то, что с ответчика следовало истцу, с судебными издержками: недельщики и пристав надорвали свои голоса, расчищая

*) Окольничий — боярин, на обязанности которого, между прочим, лежало следить за правильностью состязания — „поля".

**) Недельщики — слуги при наместнике, исполнявшие различные поручения: брали поруки, назначали сроки явки к суду и т. п.

площадку для боя. И только после того, как некоторых из толпы схватили и жестоко поколотили, толпа посторонилась—площадку очистила. Недельщики отмерили и обнесли веревкой часть площадки, ровную и выбитую. В середину отмеренного вошли окольничий, дьяк и пристав. Дьяк вызвал Аринку и Треньку. Окольничий спросил, кто за ними стоит поручными и стряпчими. Осмотрел, нет ли у этих последних оружия. А затем предложил Аринке и Треньке помириться. Ни тот, ни другой этого не пожелали; их тогда привели к присяге—к крестному целованию. После того с огороженной площадки удалились все, кроме Треньки и Аринкина наймита—Обдорки. Оба они были вооружены дубинами-ослопами.

На голову Треньке надел кожаный с металлическим острием шишак, взял в руки небольшой, тоже из кожи, с медными бляхами щит, а грудь облачил в старую заржавевшую, но еще крепкую кольчугу.

У Обдорки же, кроме дубины, был только деревянный щит. Бой начался.

Грузный, огромный мясник несколько раз промахивался и не попадал в Треньку, который ловко и увертливо ускользал от его ударов. Много раз они сходились и принимались размахивать дубинами, но всякий раз их схватки кончались вничью. Мясник тяжело дышал, пот градом катился с его лба, и он, видимо, начал уставать. В одной схватке Треньке даже удалось нанести несколько увесистых ударов своему противнику. Тот покачнулся, но, так как был крепок на ноги, устоял.

Ворожей Максим Афанасьев втайне уже радовался и мечтал о богатом приношении и угощении, обещанном ему Тренькой, в случае удачи.

Зрители становились нетерпеливыми. Сам окольничий, привыкший ко всякого рода делам, стал выражать недовольство и покрикивать на бойцов: «Пошевей, ребята! Чего тянете!».

Возбужденные криками толпы и окольничего Обдорка и Тренька сошлись еще раз. Обдорка, тяжело сопя, поднял свою дубинку. Тренька же нагнулся и хотел нанести удар по ногам мясника, чтобы его свалить, а самому увернуться, но нога у него подогнулась, и он задержался на момент. Сокрушительный удар ухнул на его плечо. Тренька, где стоял, там и грохнулся. Его плечо было разбито, ключица переломлена, и правая рука повисла, как плеть. Толпа разразилась улюлюканием и смехом и стала издеваться над старым рыбаком. Тот поспешил позорно скрыться. Слабость его бесовских чар была доказана, а надежда на богатое приношение потеряна.

Негодование толпы обрушилось на Треньку: правда Божия раскрылась. Больших усилий стоило недельщикам прочистить дорогу окольничему, дьяку и сторонам: Тренька сам не мог итти. Поручные подняли его и понесли к наместнику в наместничью избу.

Там окольничий доложил, что дал он Божию правду, «спущал поле» Треньке и Аринке. А бился за Аринку наймит мясник Обдорка, а за Треньку он сам. И наймит побил того самого Треньку.

Наместник с укоризною обратился к Треньке: «Чего

было на поле лезть, коли знает, что неправда его? Плечо бы цело было.

— Дьяк, пиши решение»!

В решении том велел наместник за душегубство ямщика Комарицкого стана Треньку Дружкина осудить, а женку ямского старосты Аринку Дерягину оправдать. И еще велел наместник с того самого Треньки доправить в пользу Аринки четыре рубля, да долгу убитого рубль (рубль приблизительно в 74 раза дороже нынешнего). А пошлины ему, наместнику, взять с Треньки с рубля по два алтына, да дьяку восемь денег. Кроме того, окольничему да дьяку, да недельщикам, что «поле спущали»—окольничему полтина да доспех, а дьяку четверть, а недельщикам полтина и вясчего (пошлина за отмер) четыре алтына.

Приказал все эти деньги наместник уплатить через пять дней, а в случае он не уплатит, то будет ему «правеж». И в том взять на нем поруку. Тренька обещал уплатить, и Бориска за него поручился. Когда же пришел срок, не в силах он был собрать всего, что следовало, не уплатил ни Аринке Дерягиной, ни наместнику, ни дьяку, и сам к наместнику не явился. За ним послали тогда пристава с понятыми и поставили пред лицо наместника. Тот долго с ним не возился и не уговаривал, а повелел его посадить в наместничьей избе, в темную, и на утро поставить на правеж. Треньку посадили в небольшую, грязную, скорее конуру, чем комнату. Бросили ему туда кусок хлеба и поставили в кружке воды. Дверь замкнули.

а у дверей поставили правежника, который за «правежом» наблюдать должен.

Ночь не в ночь показалась бедному Треньке. Он знал, что его на утро ожидает. Частенько приходилось ему видывать и слышать утром, когда он в город на базар приезжал, как извивались и кричали от боли стоявшие на правеже люди. Но сколотить те рубли, которые с него требовали, он не мог. Да и откуда ему было взять, бобылю, ямщику безземельному.

По утру, когда явился в избу наместник, чтобы суд давать да дела разбирать, вывели Треньку из его конуры и поставили перед крыльцом избы. Пристав с палкой стал около него и время от времени сильно ударял его по икрам. Тренька криком кричал, заклинал пристава—на смерть его не увечить, но пристав уже к крикам привык, да и мзды ему Тренька никакой не сулил, и он, знай, колотил Треньку.

Когда солнце взошло уже высоко на небо, полдень приближался, обессилел Тренька совсем, вспомнил о лошади и стал просить отвести его к наместнику.

«Заплачу, господине, заплачу о завтрешний день. Только отпусти»,—молил он наместника. Этот над ним смилостивился, велел его развязать и домой отпустить и поруки даже с него не брать. Куда пойдет он, обезноженный!

Доплелся Тренька до дому с трудом, завалился, а наутро, чуть свет, собрал кое-какую одежонку и кое-какие пожитки и побрел, куда глаза глядят. Знал он, что не сможет заплатить. Нечем и негде

достать. Знал он, что поставят его опять на правеж, а когда срок выйдет, то разо́рят его домишко и выдадут его головой—отдадут на отработки долга Аринке Дерягиной, а та уходит его работой и попреком за мужа. И вот, от всего этого бежал он на простор, на вольную волю, в лес дремучий, в степь—раздолье привольное.

СУД—ЖРЕБИЙ.

Боги правду видят, боги правде победу дадут и не попустят, чтобы восторжествовала кривда и зло. Боги не только знают судьбу человека и ею располагают, но сами принимают во всех человеческих делах участие. Всякое горе, всякая обида—горе и обида не только обиженного и пострадавшего, но горе и обида богов. И когда человек восстает на своего обидчика и стремится его наказать, то они вместе с ним восстают и наказывают. А когда нельзя найти или изобличить преступника человеческими средствами, то и тут, как вездесущие и всеведающие существа, они помогают правому и изобличают виновного. Их воля, их приговор ясны и определенны, нужно только каким-нибудь способом узнать эту волю и этот приговор. Нужно подвергнуть испытанию подозреваемого, и, если он прав и богам любезен, боги станут за него и поддержат, хотя бы испытание и было тяжело и, даже, опасно для жизни.

Так верили русские люди, когда они были язычниками. Так не перестали они верить и тогда, когда сделались христианами. Во всех трудных и сложных вопросах своей жизни они прибегали к помощи Бога,

спрашивали у него совета и решения запутанных дел, которые нельзя было уяснить человеческим разумом и рассмотрением. Заставляли заподозренного прикасаться голой рукой к раскаленному железу и, если рука после этого заживала в определенный короткий срок или даже совсем оставалась невредимой, то обвиняемый считался очистившимся, оправдавшимся: Бог-де не захочет погубить правого и исцелит его.

Бросали преступника связанным в воду и, если он плавал и не тонул, то объявляли его виновным в возведенном на него зле: нечистые силы его поддерживают и не дают тонуть, чистая же Божия вода его не принимает.

Выходили на «поле» обвинитель и обвиняемый и бились оружием. Бог стоял крепко за правого и давал ему победу.

Призывали в свидетели Бога, целовали его изображение, присягали и верили, что присягавшего ложно постигнет сейчас же, здесь же жестокая кара.

Кидали, наконец, жребий. Невидимо Бог руководил рукой вынимавшего жребий, и выпадал жребий того, кто был прав.

Всеми этими способами узнавали правду, волю Бога, и на основании ее решали дела судебные в древней Руси.

В Московском государстве сохранились только три испытания: поле, присяга и жребий. Как происходили два первые и какую они имели силу, мы говорим в других очерках. Про судебный жребий времен Московского государства до нас дошел рассказ одного

иностранца — английского купца Генриха Лана (1560 г.).

Дело, о котором идет в этом рассказе речь, как раз из таких, какие решались по преимуществу, если не исключительно, жребием, то жребием и присягой вместе.

Спор о займе денег между русскими купцами решался присягой, и, по желанию ответчика (на кого подавали в суд), присягу обязан был принимать истец (кто подавал в суд).

Между иностранцами и русскими бросался жребий или для того, чтобы узнать, кому присягать первому, или для того, чтобы порешить дело окончательно.

Рассказ как раз и передает последний случай. Вот он:

«Я был должен русскому купцу 600 рублей, а он требовал с меня вдвое: надлежало прибегнуть к жребию. В судной палате Кремлевского дворца толпилось множество людей. Судьи, или казначеи государевы, сидели впереди. Призвали меня и соперника моего, дозволили мне сесть и начали мирить нас, желая, чтобы я прибавил, а купец уступил часть своего требования. Я прибавлял сто рублей, но он хотел более. Тогда судьи взяли два шарика восковые, один с моим, другой с его именем. Кликнули незнакомого человека из толпы зрителей, бросили ему шарики в шапку и велели другому зрителю вынуть голою правою рукою один из них: вынулся мой. Я заплатил 600 рублей, из коих вычли в казну десятую долю за вину истца, а народ славил правосудие небесное и честность купцов английских».

РОЗЫСК О КРАЖЕ (1646—1648).

Онцифорка Судницын с Никифором Ларионовым и с Сидором Бушковым ушли из Искорского погоста (деревни) на реку Печору рыбу ловить. На той рыбной ловле вздумал Онцифорка продать вогуличам шелковую рубашку, прошиванную золотом, другую шелковую же рубашку, шитую шелком, полотняную наволочку, у которой угол прогорел, женские серебряные завязки, другие шелковые завязки с серебром, золотом перевязаны. А Сидор Бушков к нему приставал—долю себе требовал, вещи-де у Онцифорки, наверняка, воровалные. Онцифорка ему доли давать не хотел и твердил, что эти вещи его, от матери ему достались, а продает он здесь вогуличанам потому, что с них взять больше можно.

Сидорка рассердился и Онцифорке пригрозил, но тот и на это внимания не обратил.

Как они домой воротились, рассказал о тех вещах и той продаже Сидор своим соседям. Дошел слух до Никифорища Осокина, попа Чердынского, Богословского монастыря, да до попа Антона Говорливого. Они в тех вещах свои пропавшие «животишки» признали, всполошились и в покраже на Онцифорку челобитную подали на Чердынь, воеводе Львову.

В той челобитной просили они Никифора Ларионова и Онцифорку Судницына на очную ставку с Сидором Бушковым поставить.

Между тем, другой поп, Евстахий Попов, того же самого Онцифорку Судницына «ополичнил»—с поличным уличил. На шапке его лоскут от своей однорядки признал. Уличил Евстахий Онцифорку на народе, при попе Василье, при Онтропе Феодорове, да при том же Сидоре Бушкове. Онцифорка народу не дался, Бушкова в «душу» толкнул и через плетень из церковной трапезной во двор Никифора Ларионова схоронился. Ларионов к себе во двор войти не позволил и Онцифорку через задние ворота выпустил.

Во всем этом и в покраже у него поповской однорядки *), двух женских однорядок—красноватой и малиновой и куньей шубы Евстахий Попов подал челобитную тому же воеводе Львову.

Воевода, как только получил эти челобитные, послал приставов с «наказной памятью». В этой памяти повелевалось приставам ехать в Вильгорский погост, взять там церковного старосту и лучших крестьян и вместе с ними розыскать в Искорском стану попа Василья, Онтропа Феодорова, Никифора Ларионова и Сидора Бушкова и привести за крепкими поруками «тотчас бессрочно» в съезжую избу.

На распросе Сидор Бушков подтвердил все, что и

*) Широкая, длинная до пят, с длинным рукавами, сделанная из сукна одежда. Носилась она весной, осенью и вообще в ненастную погоду.

на Печоре и в Искорском погосте в церковной трапезной случилось.

Другие тоже, кроме Никифора Ларионова, показали согласно с челобитными. Никифор же Ларионов и на Печоре никаких вещей у Онцифорки не видал, да и на двор к нему Онцифорка не забегал, и он его от ополичнивших его не хоронил.

«Распросные речи эти» были записаны, а Сидор Бушков и Никифор Ларионов были отданы на поруки приставу.

В Искорский стан воевода послал к старосте церковному и лучшим людям «память», в которой предписывалось Судницына и его жену скованными с провожатыми представить, а хлеб, скот и все животишко Судницына описать и беречь до государева указу крепко. Если же Судницына с женой в Искорском и Ныробском стану не окажется, то о розыске их и препровождении в Чердынь вместе с теми лицами, у которых они окажутся на житье, заказать всем крестьянам, а за укрывательство пеня—денежное взыскание—и наказание.

Пристава с такой памятью отправились и через десять дней вернулись и представили только жену Судницына Епистемьицу и Онцыфорова поручного, брата его Малафейку. Вместе с тем, они подали роспись. В росписи той значилось, что «доводчик Тихон Мырзин, да пристав Леонтьев Онцифорку в Искорском погосте искали, но не нашли, нашли его мать и жену, которую связали, животишка у Онцифорки изба, да клеть, да хлевина, да скота две коровы, а большие

ничего, что скот приказали беречь Ефиму Иванову, сыну Парахину, миром.

Епистимьицу допросили, но она отозвалась полным неведением во всем. А куда убежал ее, муж, она тоже не знала.

Жену воевода отдал «за пристава»—под надзор пристава, а Малафейку, Никифора и Сидора Бушкова повелел отдать на поруки с записью, чтобы они, сыскав Опцифорку, в съезжую избу его представили и сами ставились, а если они этого не исполнят и от суда уклоняться будут, то истцево на них доправить.

Под такой угрозой принялись Малафейка, Никифор и Сидор за розыски. Наконец, поймали Опцифорку и связанным отдали стеречь Ефиму Парашину и Агафону Иванову, пока удосужатся его на Чердынь поставить. За такой караул положили они сторожам по грошу человеку на ночь.

В первую же ночь Судницын ушел из-за сторожей, как последние говорили, «неведомо каким обычаем».

Обоих сторожей, как возможных потатчиков вору Опцифорке, воевода отправил в тюрьму.

Малафейке же, Сидорке и Никифорке строго настрого приказал воевода: Опцифорку разыскать, он-де с ними не станет волочиться, а прямо с них истцево доправит—заставит их за вещи заплатить.

Те испугались и еще пуще прежнего за поимку принялись и Опцифорку поймали. Поставили к воеводе в Чердынь.

Воевода приступил к допросу Опцифорки. Тот на все ответил по порядку и складно. Никаких краде-

ных вещей он не продавал, шапка у него из лоскутьев, что у его матери на дворе лет десять валялись, что он от ополчившихся его людей бежал, так как они его вязать и бить зачали, что все время он скрывался в гумнах и в пустых избах, от караульщиков бежал во время сна их, сам развязавшись — они в том не виноваты.

После допроса Судницына заковали и бросили в тюрьму. Жену его освободили от порук, а сторожей из тюрьмы.

За матерью и другими свидетелями были посланы «памяти». Про мать было сказано, если она окажется старой, больной, дряхлой и увечной и представить ее в Чердынь будет невозможно, то допросить ее на месте под присягой о шапке; распросные речи написать церковному дьячку, а подписать Искорскому священнику.

Всех свидетелей привели и они подтвердили свои первые показания.

Мать же Онцифоркина оказалась «трухава» *), и от нее добились только одного: она-де того сукна не помнит, верхушка шита дедушкиным, что валялось в коробейке старой.

Воевода повелел Онцифорку из тюрьмы привезти и на пытку его подпять. На пытке Онцифорка был пытан накренко, дано ему 85 ударов, да две встряски и к огню приношен. Его на дыбу поднимали и кнутом колотили и лучиной жгли. Судницын ни в чем не повинился.

*) Ветха, дряхла.

Главный свидетель Бушков тоже был пытан и на очную ставку с Судницыным ставлен.

Ничего не помогло! Опцифорка упорно свою вину отрицал, а Сидорка стоял на своем.

Опцифорка просил послать за вогулетином, который может показать, что никаких вещей в продаже не было.

Воевода дела покончить не решился и опять в тюрьму Судницына отослал, а Сидора Бушкова отдал на поруки приставу.

Посадили Опцифорку в тюрьму—в низенькую грязную избенку за тыном. В тюрьме той народу находилось порядочно. Были и воры, и душегубы, и неисправные плательщики долгов, был и проворовавшийся подъячий.

Вся эта братия с Опцифорки «влазного» потребовала, а не то ему доли хлебной не дадут. («Влазное»—некоторая сумма, которую требовали с каждого новичка тюремные сидельцы).

«Братии» воевода на пропитание не давал, и питались они собираемым подаянием по городу. Все собранное делилось особыми старостами, выбираемыми из среды «братии тюремной».

Старостой ходил подъячий. Он, когда Опцифорка охотно «влазное» уплатил, стал за ним ухаживать—учуял у него денежки и надеялся чем-нибудь поживиться. Всячески его ублажал, рогожку ему подстелил и прибаутками потешал, на свою судьбу жаловался. По просьбе сильного боярина обвинили его в лихоимстве да в записке дела не по суду и по той

самой жалобе из Москвы повелели подьячего бить кнутом и с него пеню взыскать на государя. Кнутом его наказали, но пеню взыскать не смогли,—поруки он за себя не нашел. И вот посадили его тогда в тюрьму, пока пеню не взыщут. Ну, да это не так легко будет. Посидит он в тюрьме недолго—утечет. Только бы денежек нашлось—за деньги все можно, даже неправый суд получить. Печаловаться посему Онисифорке не след. Все, слава Богу, будет хорошо. Только нужно быть понастойчивее, все свою правду показывать, а где и посулы посулить. Ему-то подьячему лучше всего ведать можно, что посулами сделать можно. На тот случай он одну поучительную повесть знает. Подьячий рассказал тюремным товарищам эту повесть:

ШЕМЯКИН СУД.

В некоторых палестинах два брата живяше: один богат, а другой—убог. Приниде убогий брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богатый даде ему лошадь. Убогий же нача и хомута просити; богатый же вознегодовал на брата и не даде ему хомута. Тогда убогий же брат привязал дровни лошади за хвост и поехал в лес по дрова и насек воз велик, елико лошади можно свезти, и приехал ко двору своему и отворил вороты, а подворотню забыл вставить. Лошадь же бросилась через подворотню и оторвала у себя хвост. Брат же убогий к богатому приведе лошадь без хвоста: бо-

гатый виде лошадь без хвоста, не принял у него лошадь и поиде на убогого бити челом к Шемяке-судье. Убогий, ведая, что пришла беда—будет на него из города присылка, чтобы ему езды приставу не платить, поиде вслед брата своего. И придоша оба брата к богатому мужику на ночлег. Убогий прииде, ляжа на полати, а богатый брат нача сказывати мужику про лошадь свою, чего ради в город идет. (Потом) нача мужик с богатым ужинать, и пити и ясти, убогий же нача с полати смотрети, что с братом пьет и ест, а его не позовут. И незапу убоги сорвася с полатей в зыбку (люльку), и в зыбке удави мужикова сына до смерти.

Мужик поиде к Шемяке-судье на убогого бити челом.

Идущим им ко граду купно (богатый брат и оный мужик, убогий же за ними идяше), прилучися им итти высоким мостом. Убогий же подумал, что не быть ему живому от судьи-Шемяки, и бросился с моста: хотел ушибиться до смерти. Под мостом сын, житель града того, вез отца хворого в баню, и убогий попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын же поиде к судье-Шемяке бить челом, что отца его ушиб.

Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом, како у лошади хвост выдернул. Судья же выслушав челобитную в лошади и рече убогому: отвещай! Убогий же, подняв, камень завязал в плат (платок) и кажет позади брата и то помышляет: «Аще (если) судья не по мне станет судить, то я его ушибу до смерти». Судья же, чая — сто рублев дает от дела,

приказал богатому: «Когда брат твой у лошади хвост оторвал, и ты у него лошади не бери до тех пор, как у лошади хвост вырастет».

Потом прииде мужик, подаде челобитну в мертвом сыне своем и нача бити челом. Убогий же вынул тот же камень и показа судье позади мужика. Судья же, чая—другое сто рублев дает от дела, рече судья мужику: «Когда той убогий убил сына твоего, ты, мужик, отдай тому убогому свою жену, пока она не родит тебе сына».

Прииде сын об отце бити челом, како задавил отца до-смерти, и подаде челобитну на убогого. Убогий же, вынув камень, кажет судье. Судья, чая—сто рублев дает от дела, приказал сыну стать на мосту: «А ты, убогий, стань под мостом, и ты, сын, также соскочи с моста на убогого и задави его до смерти».

Убогий же нача Бога хвалити, что по нему судил суд. После суда изыде истцы с ответчиком из приказу, и нача богатый убогова своей лошади просити... Он же рече ему по судейскому: «Как у твоей лошади хвост вырастет, в ту пору и лошадь тебе отдам». Богатый же даде убогому брату своему денег пять рублев, да три четверти хлеба, да козу дойную и помирися с ним вечно.

Потом же нача убогий брат у мужика жену прошати. Мужик же нача убогому бити челом, чтобы у него жены не имал и нача с ним миритися и даде убогому пятьдесят рублев, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирися с ним вечно.

Потом же нача сыну говорить, что по судейскому приказу тебе стать на мосту, а мне под мостом, и ты бросайся на меня и задави на-смерть. Сын же нача помышляти себе: «Как скочу с моста, его не задавишь, а сам ушибуся до-смерти», и нача с убогим миритися, даде ему денег двести рублев, да лошадь, да пять четвертей хлеба—и помирися с ним вечно.

Судья же Шемяка посла к убогому слугу прошать денег триста рублев. Убогий же показа камень тому слуге... И человек нача его вопрошати: «Что за камень кажешь?». Он же рече: «Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его тем камнем ушибить до-смерти». Слуга же приде к судье и сказа про убогого: «Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя тем камнем ушибить до-смерти». Судья нача креститися: «Слава Богу, что я по нем судил».

Потом убогий отыде в дом свой, радуяся и хваля Бога».

Понадоел своей болтовней подъячий Онцифорке порядком.

Слушал же тот его покорно, потому что сам в уме расчитывал им воспользоваться и из тюрьмы бежать.

Кончил подъячий, спросил его Онцифорка о побеге. Тот с радостью за дело взялся. Онцифорка дал ему вперед полтину, да еще полтину обещал, ежели дело устроит.

Был слаб Онцифорка после пытки, но, не так, чтобы встать не мог, и посоветовал ему подъячий

стонать, да лежать и священника просить, что-де смерть его пришла, в грехах исповедоваться хочется. Сторожа, которым велено было накрепко стеречь Онцифорку, видя такую его слабость, обманутся и не запрут окно, а сами из тюрьмы уйдут на ночь. Так и сделал Онцифорка. Священника попросил, но не стал его тот исповедывать, обмыть приказал, а завтраде он еще придет. Сторожа оставили окно «простое» и сами ушли.

И тою же ночью, при помощи подъячего, бежал Онцифорка через окно. Утек с ним и подъячий.

О том побеге тюремные сторожа и тюремные целовальники известили воеводу и в своей «простоте» винились и ответ государю были готовы держать.

В поимку за Онцифоркой отрядил воевода двух приставов на судне по рекам Колве, Вишере и Каме, а одного пристава сухим путем. В ближние станы послал «заказные» и «сыскные памяти», в которых были приметы Онцифоркины описаны; за поимку его вознаграждение из государевой казны обещалось, за пристанодержательство, непоимку по дружбе или отпуск угрожалось царской непощадной опалой.

Пристава проехали весь указанный им путь, но Онцифорки не поймали и нигде его следов не нашли.

Через недели три только известил воеводу церковный староста Пентежского погоста, что поймали-было крестьяне Пентежа, по указанию малых ребят, во ржи неизвестного человека, по приметам на Онцифорку похожего, но только ночью по пути убежал он от своих сторожей, неведомо как и куда скрылся.

Искали, искали Онисифорку. Посылали за ним поручных, приставов, писали строгие «сыскные памяти», но найти его не могли.

Прошло два года. Онисифорку стали уже забывать.

На Чердыне уже воевода переменился. Сел там на воеводство, вместо Львова, Прокопий Кузьмич Елизаров.

И ему, Елизарову, стало известно, что беглый сиделец Онисифорка Судницын в Искорском стану спокойно живет и портняжным ремеслом занимается — ходит из дому в дом. Доцесе о том всякой челобитчик поп Антон Говорливый.

Воевода приказал дьякам разыскать челобитную, а за Онисифоркой снарядил приставов с памятью: итти им в Чердынский уезд в Искорский стан, а притти им ночью в Искорском стану к крестьянину Ивану Турианову тайно, не вдруг, по одному человеку или по два, да велеть Ивашку Турианову беглова тюремного сидельца проведать, а приставов Ивашку в то время у себя держать тайно, а проведав ему, Ивашку, поймать с приставами Онисифорью Судницына или жену его, а поймав привести их связанными в Чердынь в великом береженьи.

Пристава до Искорского стана не доехали, по дороге в деревне Уролке остановились и у половальника браги напились знатно.

Двух только людей отправили в Искорский стан.

Те Онисифорку видели, но поймать его не могли и с такой отписью явились все четыре пристава к воеводе обратно. Он на них почернел, распалился, еще

ехать приказал, но они провели некоторое время дома и через три дня к воеводе пришли с докладом, что Онцифорки нигде не оказалось.

Поиски опять затихли. Только, наконец, 30 апреля 1648 года, через два года с месяцем с подачи первой челобитной привели к воеводе Судницына. Тот повелел его сковать и в тюрьме беречь крепко-накрепко. Приставу же приказал ехать в Искорский стан и там произвести «обыск—взять церковного старосту и «лучших людей» и при них опросить всех крестьянин, кто и что про продажу вещей знает, и не было ли замечено за Онцифоркой чего-нибудь еще?».

Тому же приставу был дан наказ Сидорку Бушкова, Никифорку Ларионова, жену Онцифоркину Епистимьицу и других свидетелей сыскав, дать на поруки, что они к воеводе в Чердынь явятся в срок.

При обыске крестьяне Искорского погоста заявили, что им ничего неизвестно про Онцифорку, и только некоторые крестьяне показали, что и раньше Судницын в клети лазил и выкрадывал разные вещи, что у него видали краденые вещи, и посему кажется им,—Онцифорка «неладобный человек».

Из приведенных свидетелей Никифор Ларионов опять сначала все отвергал, но потом, поставленный с очи на очи Сидору Бушкову, уступил и признался, что и вещи на Печоре видел и при ополичении Онцифорки был.

Свидетели сошлись, дали ясное и определенное показание против Онцифорки, в «обыске» были только некоторые указания на его лихое прошлое, но не было

собственного признания Онцыфорки, и на очной ставке он не признавался. И Онцифорку привел воевода снова к пытке. Дали 25 ударов и две встряски; Онцифорка не захотел виниться. Не винился и на очной ставке с Сидором Бушковым, который в свою очередь «у пытки на очной ставке» от своего показания не отказался.

Для подлинного в том сыску приказал тогда воевода на пытку Епистимьицу поднять и однова ее ударить.

Епистимьица на пытке ни в чем на мужа своего не сказала. «Поминого животишка-де» она у мужа не видывала, и татьбы за ним, мужем, не ведает.

Воевода повелел дело вершить.

И в том вершении освободил он Сидора Бушкова и жену Епистимьицу беспоручно, а Онцифорку освободил на поруки с записью, чтобы ему впредь никаким воровством не воровать, по требованию в съезжую избу являться, не принимать татей и татебных вещей и на крестьян не похваляться никаким злом.

Крепок был Онцифорка, две пытки выдержал, не захотел признаться, да и на «обыске» крестьяне большинством против него показать не пожелали, видно, злобы против него не таили. И вот, хоть и изувеченный и избитый, был он свободен. А не то пришлось бы ему жизнь, как «ведомому вору» и несколько раз воровавшему тату, лютой смертью окончить или же до смерти в тюрьме сидеть.

ДЕЛО О КОЛДОВСТВЕ.

Сидел в Москве в разбойном приказе «великой лихой» человек, вор и разбойник Сенька Косой. В его воровстве и разбое довели на него дочиста, и он должен был свою жизнь на виселице окончить. Сидел он и думал, как ему судьбы избыть, свою жизнь сохранить. И надумал. Решил он, как поведут его на казнь, объявить «слово и дело государево»—страшное в то время слово. Все, кто его слышал, разбегались. Никому не хотелось быть схваченным и отведенным на пытку в Сыскной Приказ. А того, кто говорил «слово и дело», тоже отводили в Приказ и допрос учиняли, какое он «слово и дело» объявить хочет. Надеялся Сенька, что, когда его обратно в Приказ отведут и начнут допрашивать и сыск и следствие по его «слову и делу» будут учинять, пройдет время долгое. А за это время, может, и убежать удастся.

Порешил и сделал. Повели его с двумя товарищами 30-го мая 1675 года на казнь. Вели его скованного, в цепях, с колодкой деревянной на шее и со стражей из стрельцов вокруг. Лишь вышел он из Спасских ворот на Красную площадь, как закричал

громким голосом: «Слово и дело». Его схватили, назад повели и поставили пред очи боярина, сидевшего в Сыскном Приказе. Сенька Косой тому самому боярину на вопрос: «Какое слово и дело государево ему ведомо», показал:

«Тому с год времени пришел он на Ордынскую улицу, на двор дьяка Леонтия Клинника, к бабке слепой Феньке Марковой просить лекарства от зубов, и в то время была у Феньки постельница, с которою Фенька говорила неведомо, что и поминала она, постельница, имя государя неведомо для чего. А дочь Феньки сказывала ему, Сеньке: мать-де ее дала той постельнице два кусочка вощечку и велела прилепить, а где и для чего—того не ведает, а ведают про то Фенька и дочь ее. Да и ему, Сеньке, давала Фенька травы и велела, зашив в вороту у кафтана, носить для того, что-де хозяин твой до тебя добр будет. А жил он тогда, Сенька, у торговца, иноземца Фрея. И он, Сенька, отказал ей, говоря, что-де хозяин до меня и так добр. К ней же, Феньке, приходила женка водопроводных дел Ивана Яковлева Даниилина, что на Поварской живет—Орипка. Она в волшебном деле еще пуще ее, Феньки. Про то волшебное дело Орипки сказывала ему сама Фенька. Про волшебство Феньки сказывала ему, Сеньке, и дочь Феньки.

Дело было важное. Шла речь о жизни и здоровии самого государя и великого князя Алексея Михайловича. Доложили великому государю, а Сеньку Косого велели запереть накрепко, указанных им лиц схватить и в Приказ привести.

Государь и великий князь повелел своему боярину, князю Никите Ивановичу Одоевскому тому самому Сеньке и лицам, им упомянутым, допрос учинить и пытать их накрепко.

Все — и Фенька, и дочь ее Марфушка, и Оринка, кроме постельницы Дарьи Ломакиной, которая неведомо куда скрылась, были приведены к допросу по очереди. Фенька и Марфушка во всем запирались. Никаких волшебств и снадобий Фенька не делает, никаких наговоров не наговаривает, а Сеньку Косого они и в глаза не видали.

Оринка же тоже запиралась. К Феньке она не ходила и никакого волшебства не знает.

Привели тогда из темной Сеньку и поставили перед Фенькой, Оринкой и Марфушкой. Сенька все свои показания подтвердил и настаивал на всем, что говорил раньше. Фенька, Марфушка и Оринка его поругали, в глаза бесчестили, лгуном, вором называли и ни в чем не признались.

Видя такое их упорство и запирательство, приказал князь Никита Иванович Одоевский их пытать и жечь огнем. Сеньку, как доносчика, повелел он пытать в первую голову, а за ним и остальных.

Позвали палача в красной рубахе и велели всех отвести в «застенок». За ними пошел дьяк со свитком в руках, чтобы «пыточную сказку» составлять. Пошел и сам боярин, князь Никита Иванович Одоевский. В застенке, просторной сводчатой комнате, по стенам вешали плети, кнут, молотки, железные и другие орудия пытки. К своду была прикреплена «дыба»

—через блок перекинута веревка с широким ремнем на конце. В печи ярко горел огонь.

Палачи принялись за Еньку. Стащили с него кафтан и рубаху. Закрутили ему руки назад, завязали ноги. Руки привязали ремнем «к дыбе». На веревку, которой ноги были связаны, доску поставили, а на ту доску, когда вздернули Еньку, встал одной ногой палач. Вывернулись руки у Еньки, затрещали лопатки, порвались сухожилья, помутилось сознание. Ничего не мог сказать он дьяку. Тот велел его немного отпустить, дать передохнуть. Отпустили... Пришел в себя Енька... Вздернули его еще раз и встряхнули раза два. Когда встряхивали, становился палач обеими ногами на доску у ног Еньки и подпрыгивал. Не отказался Енька, все свое показание подтвердил. Стали жечь ему, вздернутому на дыбу, спину огнем да ноги палить. Не выдержал такой муки Енька, потерял сознание и, когда отпустили его и на пол положили, не пришел в себя больше, хотя ему голову и окачивали водой и всего его встряхивали.

Приступили к Оринке. Та уже при первом ударе кнутом на дыбе «не выдержала и повинилась, что она сама ворожит и Феньку ворожить учила». А ей, Оринке, оставила тое ворожбу при смерти мать ее родная, Оленка. А как матери не стало, тому ныне седьмой год. Она в привороте на соль и на мыло и на зеркало наговаривает. На зеркало: «Как смотрятся в зеркало да не насмотрятся, так бы муж на жену не насмотрелся». А на соль: «Как тое соли люди в естве любят, так бы муж жену любил». А

на мыло наговаривала: «Сколь скоро мыло с лица смоется, столь бы скоро муж жену полюбил». Ворота рубашечные тоже жегши, приговаривала: «Какова была рубашка на теле, таков муж до жены был». А жаба у кого прилучится в горле, уговаривает. Инова же она ничего лихова, опричь того, не знает и лихим словом не наговаривает. Да и не одна она тем ремеслом промышляет. Есть на Москве и иные бабы, которые подлинно умеют ворожить».

Оринку после того еще раз вздернули, чтобы она тех иных баб назвала. Но ни одной из них она назвать не могла, как к ней не приступали.

Фенька и Марфушка и под пыткой ни в чем признаться не хотели. Их и вздергивали и кнутом били, но оне только стонали, во всем же, что на них Сенька довел, отпирались.

Дьяк и палачи с ними приутомились. И порешил князь Одоевский их на другой день привести к пытке. А пока Оринку, Феньку и Марфушку с исковерканными руками, с вытянутыми ногами и истерзанной кнутом спиной бросили в темный, тесный и низкий подвал к другим колодникам.

Сеньку же свезли на Божедомку, чтобы похоронить потом вместе с другими умершими в тюрьме или на улице подобранными.

На следующий день, с раннего утра за колдуньями пришли и вытащили опять в застенок.

Фенька второй пытки не выдержала и рассказала,

что—верно: ее Оринка учила, и она на соль и на мыло наговаривает и не одним этим промышляет. «Есть-де у нее и другой промысел. У которых людей товар заляжет, и она тем торговым людям наговаривает на мед и велит им тем медом умываться. Сама она приговаривает: «Как пчелы роятся ярые да слетаются, так бы к тем торговым людям для их товаров купцы сходились». И от того наговора у тех торговых людей купцы на товары бывают скорые. А в лихом умысле и в том, что давала постельнице Дарье Ломакиной два кусочка вощечку, «тпиралась. К ней опять приступить хотели, на дыбу снова поднять, но она испугалась и в злом умысле на жизнь и здоровье государя повинилась. Марфушка, дочь Феньки, и на второй пытке ничего на мать свою не сказала. Третья пытка, чтобы узнать от Оринки и Феньки, не было ли за ними прочих лихих дел, не извели ли кого оне, не напустили ли на кого порчу, Марфушку же заставить на мать свою показать,— не дала никаких новых признаний.

Оринка и Фенька только стонали, да впадали в безчувствие. Марфушка, хотя и была еще в сознании, ничего не показала против своей матери.

Пытка была кончена. Дьяк записал все показания в «пыточную сказку» и доложил ее князю Никите Одоевскому.

Тот повелел дело «вершить» (вынести приговор) и больше следствия и сыска не производить. Изветчик уже умер, а Дарья Ломакина до сих пор не была розыскана. Был слух, что она в реке-Москве утонула.

Феньку и Оринку и Марфушку из холодной, где они после пытки дней пять отлеживались, притащили в Сыскной Приказ перед ясные очи боярина, князя Никиты Ивановича Одоевского. В Приказе дьяк громко и внушительно прочел им решение. В решении том «ведомую вориху и ворожею слепую Феньку Маркову за ее воровство и за злой и богоотступный умысел на жизнь и здоровие государя и великого князя всея Руси повелевалось казнить смертию—сжечь в срубе».

А «ведомую вориху и ворожею Оринку Данилину за ее ведовские и злые дела—повелел в том решении князь Никита Одоевский,—бить на козле нещадно и сослать в ссылку в сибирские города в вечное житье.

Что же касается дочери Феньки, Марфушки, то ее полагалось за то, что она про «ведовские» дела матери своей и тое Оринки знала—«бить батогами нещадно и сослать в дальний городок на Вятку.

Приговор этот надлежало представить на усмотрение государя и пока в исполнение не приводить, а Фенька, Оринка и Марфушка должны были сидеть в подвале, прикованные крепко на цепи.

Доложили тот приговор государю. Докладывали думные дьяки Василий Семенов и Никита Зотов. Государь с решением о Марфушке не согласился и дочь Феньки, Марфушку, в ссылку ссылать не указал, а велел тое Марфушку освободить, она-де в том деле «очистилась кровью» (на трех пытках ни в чем не призналась).

По тому указу великого государя Марфушку, дочь Феньки, освободили, а для Феньки самой 15 июня 1675 года сруб приготовили на Болоте. Рано утром в тот день на Болоте собралась огромная толпа. Колдунью жечь собрались, и в народе шел слух, что, как жечь станут, она, та колдунья, в сороку оборотится и улетит. А про такую их хитрость один мудрый старичок рассказывал и при том рассказе происшествие с теми ведьмами, которое он слышал от своего отца, помнил. «При царе-де Иване Васильевиче Грозном расплодилось на Русской земле множество нечисти и безбожия, долго горевал благочестивый царь о погибели христианского народа и решился, наконец, для уменьшения зла уничтожить колдунов и ведьм. Разослал он гонцев по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно в Москву, если есть у кого ведьмы и переметчицы *); по этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, с строгим караулом, чтобы не упали. Тогда царь приказал, чтобы всех привели на площадь; собрались оне в большом числе, стали в кучку, переглядываются и улыбаются; вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой; когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси на своих глазах. Охватило пламя ведьм, и оне подняли визг, крик мяуканье; поднялся густой черный дым,

*) Оборачивающиеся различными животными.

и полетело из него множество сорок, одна за другой: все ведьмы обернулись в сорок и улетели и обманули царя в глаза. Разгневался тогда царь и послал им в след проклятие: чтобы вам отныне и до веку оставаться сороками. Так и сбылось и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами, до сих пор они боятся царского проклятия и потому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 верст вокруг. Но видно остались еще некоторые ведьмы, не всех благочестивому царю уничтожить удалось»,—прибавлял к своему рассказу старичок. И вот, на событие посмотреть и разных новостей послушать сбежался народ со всех концов города Москвы и с соседних посадов и деревень.

Стрельцы стояли у огороженного веревкой пространства и никого из толпы внутрь не пускали. Им иногда приходилось усиленно работать бердышами. Посредине был воздвигнут столб с железной цепью, а вокруг него лежал сруб, наполненный хворостом, сучьями, соломой и щепками. Неподалеку стоял «козел», на котором должны были Оринку бить. Около него прохаживался в красной рубахе палач. Фенька и Оринка сидели со связанными руками на телеге. У Феньки в руках была зажженная восковая свеча.

Тут же внутри на лошади верхом находились думный дворянин Василий Данилыч Мясной, думный дьяк Протасий Никифоров и дьяк Семен Черной. Протасий Никифоров имел в руках свиток с царской печатью.

По знаку думного дворянина Мясного, стащил на-

лач, ничего не понимавших, что вокруг делается, Феньку и Оришку к телеги. Феньку приковал цепью к столбу, а Оришку привязал к «козлу». Когда палач кончил, Протасей Никифоров прочел указ великого государя о той казни и наказании.

И казнь совершилась.

Сруб был подожжен. Сгорел. И вместе с ним сгорела Фенька.

Оришка была бита нещадно кнутом и оттуда же, с Болота, на телеге отправлена в ссылку в дальние сибирские города.

Уехали дворяне и дьяки. Ушел палач со своими помощниками. Ушли и стрельцы. Народ же долго еще стоял и смотрел, не полетит ли из пепла обернувшаяся сорокой Фенька, но, наконец, и он, не дождавшись, разочарованный разошелся.

Желающим ознакомиться более основательно с данным вопросом рекомендуется следующая литература:

Бладимирский-Буданов.—Обзор истории русского права. Петроград — Киев. Изд. 5-е, ч. 2-ая, стр. 628 сл. сл. В этом труде можно найти указания на дальнейшую литературу.

Илья Беляев.—Поле.—Статья в Москвитянине за 1855 г. 13—14.

Я. Канторович. — Средневековые процессы о ведьмах. Петроград. Юридическая библиотека (изд.) № 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакции	3
Суд у наместника	5
Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом	9
Поле	26
Суд—жребий	34
Розыск о краже	38
Шемякин суд	44
Дело о колдовстве	52